

Время летело незаметно.

Не успел Пу Яочжи оглянуться, как пролетели две недели его учёбы в новой школе.

В то утро, около шести часов, Яочжи по обыкновению сидел за обеденным столом и уплетал завтрак. Мать, расположившись напротив, неожиданно спросила:

— Ты учишься там уже больше полумесяца. Как тебе учителя? За программой успеваешь? А с одноклассниками и ребятами как отношения?

Яочжи отпил молока, проглотил и принялся аккуратно, пункт за пунктом, отвечать:

— Учителя замечательные, ко всем относятся одинаково и без любимчиков. Вот только... в учёбе я всё равно немного отстаю. Зато с ребятами мы отлично ладим! И с друзьями я сошёлся близко. У меня их двое — Гун Чэнь и Хуай Ши. Гун Чэнь высокий такой, статный, красавец, а Хуай Ши — до того милый и мягкий... В них полшколы влюблено, только и делали, что тайком вздыхали!

Мать нахмурилась. Чем дальше она слушала, тем беспокойнее становилось на душе. Наконец она не выдержала и прервала его:

— Высокий, красивый... милый, мягкий... Ты совершенно уверен, что они беты?

— Абсолютно! — не задумываясь, кивнул Яочжи.

Видя такую непоколебимую уверенность, мать лишь вздохнула и приглушила сомнения. Однако от предостережения удержаться не смогла:

— Ты только не забывай: держись подальше от школьных альф и омег. За ними стоят такие семьи и связи, с которыми нам вовек не сладить.

— Я знаю, мамочка, — послушно отозвался Яочжи.

Школа.

После первого урока Хуай Ши, держа в руках изящный подарок, снова переступил порог класса Яочжи.

С тех пор как те четверо омег перевелись, Хуай Ши последние полмесяца заходил к Яочжи при

каждом удобном случае — болтал, шутил, коротал время. То принесёт сладостей, чтобы пожевать за компанию, то вручит какой-нибудь симпатичный сувенир.

Яочжи, постоянно принимавшему знаки внимания, было неловко оставаться в должниках. Он старался отвечать тем же: тоже приносил из дома угощения и делился ими с Хуай Ши.

Вот только Яочжи и понятия не имел, что его скромные, дешёвые снеки вызывали у Хуай Ши лишь глубокое отвращение. А подарки, за которые тот на словах пылко благодарил, стоило Яочжи отвернуться, с брезгливой миной летели прямо в мусорное ведро.

Сейчас Хуай Ши с ласковой улыбкой присел за парту перед Яочжи.

Светясь обаянием, он вынул две изысканно упакованные коробки. Одну протянул Яочжи, вторую — Гун Чэню.

Яочжи бережно принял сувенир. Взволнованный и удивленный, он не удержался от вопроса:

— Ши-Ши, а что это?

Хуай Ши чуть сжал губы, изображая лёгкое смущение:

— Вчера до поздней ночи сидел, делал... Впервые пробовал мастерить что-то своими руками. Вышло, наверное, грубовато, так что вы уж не судите строго.

— Как можно! — Яочжи аж замахал руками. — Я от радости себя не помню!

Он посмотрел на коробку, затем перевёл сияющий взгляд на Хуай Ши и с надеждой спросил:

— Ши-Ши, а можно мне сразу открыть?..

— Разумеется, — мягко улыбнулся тот.

Яочжи тут же с нетерпением развернул обёртку.

Внутри, на бархатистой подложке, мягко мерцала и переливалась светом изящная звёздочка.

Яочжи замер, поражённый. Прошло несколько мгновений, прежде чем он нашёлся с ответом:

— Ши-Ши, какая невероятная красота!

— Я рад, что тебе понравилось, — проговорил Хуай Ши с кроткой улыбкой, а затем перевёл взгляд на сидевшего рядом Гун Чэня, чьё лицо выражало привычное ледяное равнодушие.

Хуай Ши осторожно обратился к нему:

— Одноклассник Гун, не хочешь ли ты тоже...

Договорить он не успел. Гун Чэнь холодным тоном обрубил его на полуслове:

— Убери.

Всего два слова — предельно чеканных, отсекающих любые возражения и не оставляющих места вежливости.

Улыбка на лице Хуай Ши на мгновение окаменела.

Он быстро взял себя в руки, с трудом сохранив непринуждённый вид, и тихим, мягким голосом произнёс:

— Ох, похоже, однокласснику Гуну не по душе подобные безделушки? Моя вина, в следующий раз буду осмотрительнее...

Гун Чэнь ничего не ответил. Он даже веком не повёл.

Закусив губу, Хуай Ши неторопливо убрал коробочку обратно.

Сидевший рядом Яочжи, видя такое дело, поспешил вступить за друга и утешить его:

— Ши-Ши, ты только не принимай близко к сердцу! У Гун Чэня просто характер такой. Я тоже пытался ему что-то дарить, а он всё отказывался. Он вообще молчаливый и почти не улыбается, я уже привык...

— Угу, — сдержанно откликнулся Хуай Ши, удерживая на губах натянутую улыбку.

Прошла ещё неделя.

Учитель-альфа, стоя у доски, поправил очки и сухим, ровным голосом объявил:

— Через пять дней состоятся ежемесячные экзамены. Прошу всех подготовиться.

При слове «экзамены» сердце Яочжи ушло в пятки. Пальцы мгновенно похолодели.

Онемев от ужаса, он повернул голову к Гун Чэню:

— Гун Чэнь... мне... мне страшно...

Глядя на его перепуганную физиономию, Гун Чэнь сохранил абсолютное хладнокровие:

— Чего тут бояться? С твоими мозгами, сколько ни трясись, больше своих грошей всё равно не наберёшь.

Слова звучали обидно, но возразить на них было ровным счётом нечего.

И, как ни странно, после этой ледяной отповеди паника Яочжи как по волшебству улеглась.

«А ведь и правда... Зачем паниковать, если выше головы всё равно не прыгнешь?»

На душе у Яочжи стало легко и спокойно. Он искренне улыбнулся и поблагодарил соседа:

— Спасибо! Мне сразу полегчало!

Гун Чэнь: «...»

Однако на следующий день произошло то, чего никто не ожидал. Гун Чэнь просто не пришёл в школу. Без предупреждения, без единого слова.

Это стало для Яочжи полнейшей неожиданностью. Он с растерянным видом смотрел на пустующую рядом парту, абсолютно не понимая, что случилось.

Когда-то, попробовав попросить у Гун Чэня номер телефона, он получил жёсткий отказ. Связаться с ним напрямую и узнать, что произошло, Яочжи не мог.

На третий урок к Яочжи снова заглянул Хуай Ши. Поболтав с ним какое-то время и так и не дождавшись появления Гун Чэня, он наконец с изумлением осознал, что тот прогуливает.

Хуай Ши озадаченно спросил:

— А почему Гун Чэня сегодня нет?

Яочжи лишь молча качнул головой:

— Не знаю...

Хуай Ши выгнул бровь:

— Он что, вчера ничего тебе не сказал?

— Ничего... — снова вздохнул Яочжи.

Хуай Ши прищурился, в его голове быстро пробежала мысль:

— Так позвони ему или напиши. У тебя же есть его номер?

Яочжи понурил голову и еле слышно пробормотал:

— Нет у меня его контакта...

На лице Хуай Ши отразилось искреннее изумление:

— Как это нет? Вы же друзья!

— Я просил... — совсем тихо выдохнул Яочжи. — Но он отказал.

Хуай Ши замер от озарения. А затем в душе его вспыхнул ядовитый смешок.

А он-то, глупец, решил, будто этот бета и впрямь вошёл в доверие к Гун Чэню! Думал, между ними хоть какая-то особенная связь...

А на деле — лишь глупая, слепая комедия одного актёра. Обычный бета-тупица, напрочь лишённый самокритики.

Какая смехотворная наивность!

Внутри Хуай Ши всё клокотало от презрительного хохота, но на лице его проступило сочувственное огорчение:

— Вот как... Жалость-то какая...

Поговорив ещё пару минут, Хуай Ши сослался на скорое начало урока и попрощался. Раз Гун Чэня нет, тратить время на фальшивые любезности с этим глупым бетой не имело никакого смысла.

Выйдя из класса, Хуай Ши ненадолго задумался: не стоит ли пойти к классному руководителю, выведать адрес Гун Чэня и наведаться к нему с навестительным визитом?

Но, поразмыслив, решил, что это плохая идея.

Они ещё не настолько близки. Подобный порыв выглядел бы слишком навязчиво и шито белыми нитками. К тому же... что, если у Гун Чэня начался гон?

Высший омега, заявившийся в дом к высшему альфе накануне его периода повышенной восприимчивости с медовыми речами о «заботе и беспокойстве»... Да кто в такую чушь поверит? Это же прямая провокация.

Нет, лучше не рисковать.

Наступил вечер.

Яочжи весь день мучился сомнениями. Вспомнив, что послезавтра выходные и впереди два дня отдыха, он с трудом набрался храбрости и после последнего урока отправился в учительскую.

Остановившись перед строгим классным руководителем, Яочжи нервно сжал кулаки и, запинаясь от неловкости, пробормотал:

— У-учитель... А почему... почему Гун Чэня сегодня не было?

Если бы с таким вопросом пришёл кто-то другой из класса, учитель-альфа наверняка заподозрил бы лукавство. Зачем спрашивать о том, что и так очевидно? Внезапное исчезновение альфы чаще всего означало только одно — приближение гона.

Но перед ним стоял Яочжи. Бета, да ещё и сосед Гун Чэня по парте. За прошедший месяц учитель успел заметить, что этот парень отличается редкой наивностью и заторможенностью в подобных вопросах.

Тем не менее, будучи педагогом и классным руководителем, обсуждать тонкости физиологии

одного ученика с другим он не имел права.

Поэтому учитель ответил туманно:

— Он приболел. Посидит пару дней дома.

Яочжи опешил и тут же заволновался:

— Приболел? Это что-то серьёзное?

— Ничего страшного, — сухо отрезал учитель. — Отлежится и вернётся.

Яочжи выдохнул, но полностью не успокоился. Перемявшись с ноги на ногу, он совсем тихо, с робкой надеждой в голосе попросил:

— Учитель... а у вас... у вас нет его адреса? Я... я хотел бы проведать его.

Глядя на искреннюю тревогу на лице парня, учитель вспомнил, что тот сидит с Гун Чэнем за одной партой. К тому же элитный жилой комплекс, где обитал Гун Чэнь, охранялся так, что постороннему человеку туда всё равно было не проникнуть. Поколебавшись, учитель назвал адрес.

Лицо Яочжи просияло от благодарности:

— Спасибо вам, учитель!

Наступили выходные.

Такси остановилось у закрытой территории. Водитель обернулся:

— Всё, парень, дальше не проеду. Видишь вон тот КПП? Чужим машинам въезд воспрещён.

Яочжи молча кивнул, расплатился и, подтянув лямки тяжёлого рюкзака, вышел из машины.

В рюкзаке лежали учебники, домашнее задание и аккуратно переписанные конспекты. Боясь, что Гун Чэнь пропустит важный материал и отстанет от программы, Яочжи специально потратил время, чтобы тщательно законспектировать все лекции за эти дни.

Он остановился, подняв взгляд на величественные ворота и контрольно-пропускной пункт. Внутри остеклённой будки дежурили двое высоких, плечистых охранников.

У Яочжи на мгновение перехватило дыхание.

«Неужели Гун Чэнь живёт в настолько роскошном месте?..»

Поправив рюкзак, он неуверенно шагнул вперёд.

Разумеется, его тут же остановили.

Один из стражей, нахмутив брови, преградил путь и сурово произнёс:

— Стой. Посторонним вход воспрещён.

Яочжи мгновенно залился краской. Смущаясь и запинаясь, он попытался объяснить:

— Я... я сижу за одной партой с Гун Чэнем... Слышал, он заболел, вот и пришёл проведать...

Охранник посмотрел на него без тени сочувствия:

— Пропуск есть?

— П-пропуск?.. — растерянно переспросил Яочжи.

— Без пропуска вход на территорию строго воспрещён, кем бы вы ни приходились жильцам.

Яочжи замер, абсолютно не ведая, что предпринимать дальше. Лицо его пылало, он еле слышно промямлил:

— А вы... вы не могли бы передать ему конспекты? Я побоялся, что он отстанет от учёбы, и всё записал...

— Исключено, — отрезал охранник. — Охрана осуществляет только пропускной режим. Передача личных вещей в наши обязанности не входит. К тому же, в случае утери ценностей мы ответственности не несём.

От этих холодных, чеканных фраз у Яочжи в голове всё поплыло.

Он ехал сюда через весь город больше получаса! И самое главное — он просто обязан передать тетрадь Гун Чэню!

В глазах Яочжи от отчаяния блеснули слёзы:

— Но... как же мне тогда быть?..

— Если вы действительно его одноклассник, свяжитесь с ним по телефону, — безучастно посоветовал охранник.

— Но у меня... у меня нет его номера... — совсем тихо сник Яочжи.

Услышав это, охранник смерил его крайне подозрительным взглядом.

Одноклассник, у которого даже нет номера телефона? Звучало как откровенная, неуклюжая ложь. Взгляд охранника стал жёстким — перед ним явно стоял подозрительный визитёр.

Тем временем к контрольно-пропускному пункту приближался представительский автомобиль семьи Гун.

Гун Чэнь возвращался домой из ведомственной больницы клана Гун, где проходил плановый осмотр уровня феромонов и получил несколько инъекций высокочистого супрессора, предназначенного специально для высших альф.

Подъезжая к воротам, Гун Чэнь мельком глянул в окно и вдруг замер, уловив знакомый силуэт.

Его брови едва заметно дёрнулись.

Сидевшая рядом госпожа Гун заметила, как изменилось выражение лица сына, и из любопытства проследила за его взглядом.

За окном она увидела щуплую фигуру какого-то юноши-беты.

— Сын, это кто? — изогнула бровь мать.

Гун Чэнь нахмурился и с ледяным видом отвёл взгляд:

— Никто.

Роскошный автомобиль замер перед шлагбаумом.

Охранники, мгновенно узнав номер машины, с поклоном приготовились открыть проезд.

В то же самое время второй дежурный, окончательно утвердившись в мысли, что перед ним самозванец, решительно указывал Яочжи на дорогу:

— Посторонним здесь не место. Пожалуйста, покиньте территорию.

Яочжи открыл было рот, но без пропусковых документов и без телефона сказать ему было совершенно нечего. Он беспомощно сжал губы, подтянул лямку рюкзака и покорно повернул назад.

В салоне машины Гун Чэнь боковым зрением уловил эту одинокую, сгорбленную от огорчения фигурку.

В груди у него сжалось от глухого раздражения. Послышался короткий, досадный сухой щелчок языка.

Окно автомобиля плавно опустилось.

— Пу Яочжи.

Яочжи вздрогнул и заторможенно оглянулся.

Из открытого окна на него бесстрастно смотрел Гун Чэнь:

— Ты чего здесь забыл?

Уже смирившись с неудачей и собравшись плестись домой, Яочжи от неожиданности просиял. Подхватив рюкзак, он радостно подбежал к машине.

И лишь приблизившись вплотную, разглядел странное устройство, закрывавшее нижнюю часть лица Гун Чэня.

Яочжи снова опешил.

Если память ему не изменяла... Разве такие блокираторы носят не только альфы?..